

ХРОНИКА

DOI: 10.31860/0131-6095-2021-2-260-265

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ЧТЕНИЯ К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Б. Н. ПУТИЛОВА И К. В. ЧИСТОВА»

В Санкт-Петербурге 14–16 ноября 2019 года Музеем антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН и Институтом русской литературы (Пушкинский Дом) РАН совместно была проведена юбилейная конференция «Чтения к 100-летию со дня рождения Б. Н. Путилова и К. В. Чистова». Выступило 93 докладчика из России, Беларуси, Эстонии, Латвии, Франции и США.

На конференции были представлены следующие панели: «Научное наследие Б. Н. Путилова и К. В. Чистова в современной этнографии и фольклористике», «История науки и научных теорий», «Традиционная культура и ее современные трансформации», «Полевые исследования: история коллекций и публикаций», «Методология современной этнографии и фольклористики», «Антропология религии», «Антропология и фольклор советской повседневности», «Городские исследования в антропологии и фольклористике», «Проблемы современной этномусикологии и теории стиха», «Фольклор и литература: проблемы взаимодействия», «Сюжеты, мотивы, поэтика».

В настоящей хронике мы подробнее остановимся на секциях и отдельных докладах по проблемам фольклористики.

На пленарном заседании вступительные слова сказали Юрий Кириллович Чистов (Санкт-Петербург, МАЭ) и директор Пушкинского Дома Валентин Вадимович Головин, прозвучали доклады А. А. Панченко (Санкт-Петербург) и И. И. Земцовского (США), посвященные вопросам теории и истории фольклористики.

А. А. Панченко представил теоретические взгляды К. В. Чистова и Б. Н. Путилова на природу фольклора, вписал их научное наследие в контекст советской и мировой науки. Докладчик пришел к выводу, что «эти ученые, пытавшиеся каким-то образом примирить поздние советские дискурсы о фольклоре с более современными критическими дебатами, в наибольшей степени способствовали тому, что аналитическая рефлексия в постсоветской фольклористике постепенно вытесняет догматический эссенциализм».

И. И. Земцовский в докладе «Парадокс Б. Н. Путилова и теория фольклора» утверждал, что «развитие „русской школы“ с ее исклю-

чительным вниманием к сказителю и сказительству парадоксально сочеталось у Б. Н. Путилова с признанием того, что фольклор способен на самотворчество, на самоорганизацию и потому как бы не нуждается в человеке, но „без человека ему этого не сделать“».

Секцию «Научное наследие Б. Н. Путилова и К. В. Чистова в современной этнографии и фольклористике» открыл доклад Э. Д. Джапуа (Республика Абхазия) «Вопросы жанровой классификации фольклора в работах Б. Н. Путилова и К. В. Чистова в свете нового осмысления предметного поля фольклористики». Жанровое деление фольклорных произведений по традиционной схеме противоречило специфике фольклора, поэтому в постсоветском пространстве целесообразно менять подходы относительно жанровых классификаций национальных фольклорных традиций. Основываясь на современном понимании фольклора, Путилов считал возможным разделить все многочисленные фольклорные жанры на три группы. При этом к первой группе он отнес жанры, которые рассказываются, ко второй — жанры, которые пропеваются, к третьей — речевые жанры.

В. И. Еремина (Санкт-Петербург) сделала доклад «Художественная природа эпического творчества в трактате Б. Н. Путилова».

Сообщение «О дарственных надписях отечественных и зарубежных ученых на книгах в библиотеке Б. Н. Путилова» представил А. Н. Розов (Санкт-Петербург). В библиотеке Б. Н. Путилова в отделе русского фольклора ИРЛИ (Пушкинский Дом) имеется немало книг с автографами авторов. Это книги специалистов в разных областях гуманитарных наук: Н. К. Гудзия, М. К. Азадовского, В. Я. Проппа, А. М. Астаховой, В. И. Чичерова, Д. С. Лихачева, В. И. Малышева, Л. А. Дмитриева, Э. В. Померанцевой, К. В. Чистова, В. Е. Гусева, Н. П. Колпаковой, П. Динеева и мн. др. Одни дарственные надписи сухи и лаконичны, другие, например Н. П. Колпаковой, весьма остроумны. Анализ этих надписей позволил обрисовать круг неформального дружественного общения Путилова и его научные связи.

В докладе «К истории изданий „Сборника Кирши Данилова“ во второй половине XX века» Я. В. Нагорная (Санкт-Петербург) рассмо-

трела издания 1953–1977 годов, подготовленные М. К. Азадовским, Б. Н. Путиловым и А. П. Евгеньевой, и на их примере — историю становления принципов текстологической работы в середине XX века.

М. Н. Власова (Санкт-Петербург) в докладе «Вклад Б. Н. Путилова в изучение русской несказочной прозы» проанализировала теоретические взгляды Б. Н. Путилова, который постулировал типовой характер русских мифологических рассказов (быличек), закономерную повторяемость их сюжетов и мотивов, имеющих параллели в общеславянском (и не только) сюжетном фонде. Особое внимание исследователь уделил своеобразной поэтике и внетекстовым связям этой категории народной прозы.

Секция «Традиционная культура и ее современные трансформации» включала в себя как этнографические доклады, так и сообщения, посвященные фольклорной проблематике. Городские праздники и ритуалы, а также дигитализация знания исполнителя стали предметом рассмотрения в докладах Т. Б. Щепанской (Санкт-Петербург), И. В. Козловой (Москва), М. Г. Матлина (Ульяновск), Е. И. Лешкевич (Белоруссия). Романтизации русской традиционной культуры посвящен доклад М. Л. Бережновой (Омск).

В выступлении В. В. Трубицыной (Новокузнецк) «Репертуар сельских певческих ансамблей: коллективная память о фольклоре и массовая культура (на материале Топкинского и Новокузнецкого районов Кемеровской области)» говорилось о том, что такие коллективы являются единственным островом певческой культуры в современной деревне и представляют собой сплав современной авторской «народной» песни, песен советской эпохи и традиционного песенного фольклора. В докладе продемонстрирован процесс поглощения массовой культурой памяти о фольклоре.

К. М. Королев (Санкт-Петербург) обратился к теме «Новая жизнь персонажей русского фольклора в массовой культуре» и проанализировал нынешние трансформации русского фольклора в пространстве массовой культуры.

В секции «Полевые исследования: история коллекций и публикаций» прозвучали доклады, посвященные отдельным экспедициям, коллекциям и вопросам теории «поля».

В докладе Т. С. Каневой (Сыктывкар) «Столетие полевых фольклористических исследований на средней Печоре: сравнительный обзор источников» была изложена история собирания фольклора в Усть-Цилемском районе Республики Коми (быв. Архангельская губ.) начиная с 1901 года. Столетняя история отражает формы и подходы к выявлению фольклорного материала в XX веке: открытие локального центра как эпического очага, повторные записи былины, а также фиксация произведений других жанров профильными экспедициями академических учреждений и Фольклорной комиссии Союза композиторов РСФСР, сбор материалов представителями

«журналистской фольклористики», вузовской «стихийной» (без участия специалистов) и вузовской профессиональной фольклористики, учеными-нефольклористами, а также местными краеведами.

С. В. Березницкий (Санкт-Петербург) сделал доклад «Фольклорные материалы Тунгусской экспедиции 1927–1928 гг.». Руководитель экспедиции Б. А. Куфтин был сторонником кратковременного, но эффективного полевого исследования, проводимого специалистом, имеющим профессиональное образование в сфере этнографии. В экспедиции Куфтин и другие участники (Б. А. Васильев, В. К. Штешенко-Куфтина) собрали уникальные сведения о культуре орочей, удэгейцев, нивхов и иных коренных народов амуро-сахалинского региона. В их полевых дневниках прослеживается четкая структура фиксирования этнографического и фольклорного материала: жилищ, транспорта, комплекса одежды и обуви, пищи, утвари, орудий труда, орнамента, процесса воспитания детей, обрядов жизненного цикла, промысловых ритуалов, культурной скульптуры, шаманства. Соответствующие разделы насыщены этнической терминологией, разнообразными фольклорными текстами.

В докладе Н. В. Покатиловой (Якутск) «К типологическому открытию „устной культуры“ от Г. В. Ксенофонтова до А. А. Саввина: первый экспедиционный проект академического Института языка и культуры при Совнаркомом Якутской АССР (1937–1938 годы) в аспекте пограничья этнографии и фольклористики» был сделан вывод, что в полевой практике А. А. Саввина были задействованы сходные с методологией Г. В. Ксенофонтова принципы работы, о чем свидетельствует коллекция культурных артефактов, собранная им уже в первую — Вилюйскую — экспедицию.

Доклад Н. Г. Комелиной (Санкт-Петербург) «„Поле“ в фольклористике: от истории понятия до собственного опыта „поля“» был посвящен истории термина «поле» в отечественной фольклористике.

В секции «История науки и научных теорий» были сделаны доклады, объединенные кругом близких вопросов: теории этноса (А. Г. Новожиллов (Санкт-Петербург), Д. В. Верховцева и С. С. Петряшина (Санкт-Петербург)), истории отечественной этнографии (Д. А. Москвина (Санкт-Петербург) и Б. Е. Винер (Санкт-Петербург)). Проекту карты хозяйственного освоения территории Кольского полуострова было посвящено выступление К. Я. Коткина (Мурманск), вопросы районирования в этнологии на примере Белорусского Подвинья рассмотрены в сообщении В. Е. Овсейчика (Беларусь), этнографические материалы в «Словаре русских народных говоров» представлены в презентации С. А. Мызникова (Москва). Т. Кенцис (Латвия) рассказал об «изобретении» Советской Латвии, О. М. Фишман (Санкт-Петербург) — о проекте «Экспедиция Музея человека в Эстонию. Борис Вильде и Леонил Зуров в Сетомаа (1937–1938)». М. П. Момзикова

(Санкт-Петербург) сделала доклад об этнических категоризациях и жанровых классификациях фольклора в трудах этнографа Б. О. Долгих.

Остановимся на отдельных выступлениях подробнее.

Доклад А. Н. Власова (Санкт-Петербург) «Краеведы первой половины XX века и советский авангард (К проблеме смены научных парадигм в российской культуре)» был посвящен выяснению концептуальных подходов к анализу фольклорно-этнографического материала.

Ю. Е. Березкин (Санкт-Петербург) в выступлении «Является ли фольклористика исторической дисциплиной» положительно ответил на поставленный в названии своего выступления вопрос. Возросшая в 1970-е годы популярность фольклористики к 1990-м годам утратилась. Причины этого в неблагоприятном развитии мировой фольклористики после Первой мировой войны. С. Томпсон, создатель фольклорных указателей, не интересовался историей и сделал все от него зависящее, чтобы вытеснить из фольклористики историческую проблематику. В качестве отрасли гуманитарного знания фольклористика может существовать в любых формах. Но в качестве науки она должна быть исторической дисциплиной.

М. Л. Лурье (Санкт-Петербург) в докладе «Забытая дискуссия: полемика о современном фольклоре в советской фольклористике 1950–1960-х гг.» рассматривает научный спор о современном фольклоре, который начался в 1950-е годы на волне критики проекта советского эпоса и продолжился до второй половины 1960-х годов. Фольклористы этого периода стремились достичь компромисса между традиционалистским и модернистским пониманием фольклора.

В докладе Е. Е. Левкиевской (Москва) «Опыт реконструкции палеофольклора: от „основного мифа“ к московской этнолингвистике» рассматривались два различных подхода к реконструкции древнейших слоев славянской традиционной культуры, которые повлияли на развитие фольклористики, хотя методологическая база обоих лежит в области лингвистики. Речь шла об опыте реконструкции праславянской мифологии в работах В. В. Иванова и В. Н. Топорова и исследователей их круга, с одной стороны, и, с другой, об усилиях в том же направлении, предпринятых Московской этнолингвистической школой Н. И. Толстого.

С. В. Подрезова (Санкт-Петербург) в выступлении «От отофонетической лаборатории к Фонограммархиву: вклад С. И. Бернштейна в фольклорную звукоархивистику» на основе новых архивных данных восстанавливает историю звукового архива от «отофонетической лаборатории» Института Живого Слова, которая предполагала экспериментирование в сфере «психофизиологии органов слуха и речи у людей и животных, акустики, развития музыкальных способностей, фоники и фонетики» до Фонограммархива — научно-практической лаборатории по записи, обработке и изучению ху-

дожественной речи в широком спектре ее проявлений, описывает историю и состав фольклорной коллекции С. И. Бернштейна (1920–1927), сохранившейся в Фонограммархиве ИРЛИ.

В секции «Методология современной этнографии и фольклористики» прозвучали сообщения С. Б. Адоньевой, И. С. Веселовой, Н. С. Гончарова, О. Б. Христофоровой, Н. С. Душакловой, часть из них была посвящена теории антропологии, этнографии и семиотики.

С. Б. Адоньева (Санкт-Петербург) в докладе «Направленное воображение в лечебных, ритуальных и нарративных практиках севернорусской деревни» остановилась на практиках целенаправленного воображения, т. е. тех ситуациях, в которых характер поступающих сигналов вынуждает индивида искать толкование, а толкователь предлагает образ или идею, посредством которой следует понимать сигнал и совершать нужное действие. Исследователь пришла к выводу, что в русской деревенской традиции уместность и значимость предлагаемых образов обеспечивается авторитетом коллективного опыта и строится на холистическом представлении о жизни социального, физического и ментального «тела».

В своем докладе «Речи опыта и чувствительности, или Мифологические рассказы без мифологических персонажей» И. С. Веселова (Санкт-Петербург), составившая «словарь аффектов» на материалах корпуса мифологических рассказов, обобщила результаты анализа последних вне оптики «мифологических персонажей», но с фокусом на человеческие состояния и эмоции.

В секции «Антропология религии» были сделаны доклады, посвященные представлениям о загробном мире карел (А. П. Конкка (Петрозаводск)), переходу от язычества к христианству в карельских рунах (М. В. Пулькин (Петрозаводск)), эсхатологии и историософии религиозного движения Третий Израиль (А. В. Корневский (Ростов-на-Дону)), мистической секте «Бурьсылысьяс» (П. Ф. Лимеров (Сыктывкар)), генеалогии отечественного шамановедения (Д. Ю. Доронин (Москва)), жанру обмирания (С. Зохиос (Париж, Франция)), религиозному почитанию И. Я. Корейши в Москве (А. Б. Мороз (Москва)). К. Г. Баталова (Санкт-Петербург) проанализировала фестиваль «Радуга» как утопический проект.

С. Ю. Королева (Пермь) представила доклад «Помяник в традиционной культуре: функционирование вещи и трансформации текста», в котором проанализировала функционирование помяников — списков умерших, поминаемых за упокой. Такие списки связываются с местными (квази)историческими событиями, включаются в народно-православные практики, их появление становится предметом легенд и преданий (примеры — вятская свистопляска, чердынский культ 85 убитых воинов и др.). Королева отмечает внецерковное функционирование семейных помяников: рукописные тексты могут транс-

формироваться в краткие родословные, устные варианты (заученные наизусть списки) начинают включать термины родства.

Н. В. Петров (Москва) и Н. Б. Грамматичкова (Москва–Екатеринбург) выступили с докладом «„Староста, дьякон, поп собрались, ножки взяли и пошли“: дело об ожившем в церкви». Материалом для исследования послужили тексты, записанные в конце 1970-х годов в нескольких населенных пунктах на северо-востоке Свердловской, а также в Кировской области. Они содержат мотивы оживания в церкви приговоренного к отпеванию покойника и описания последующих действий священника (попа). История о мнимоумершем вписывается в более широкий контекст нарративов о похороненных заживо, истоки которых, вероятно, следует искать в петровских указах начала XVIII века о погребении тела на третий день после смерти.

Секцию «Сюжеты, мотивы, поэтика» открыл доклад А. Х. Гольденберга (Волгоград) «Ирония в фольклорных сюжетах о Щелкане», в котором рассматривалась историческая песня и записанная недавно в Волгоградской области топонимическая легенда о названии реки Щелкан. В ней изложен необычный вариант гибели Щелкана, утонувшего при переправе через реку. При всех сюжетных различиях исторической песни и топонимической легенды у них есть одно общее художественное свойство — иронический тон в изображении гибели баскака. В данном случае, как считает Гольденберг, речь может идти о вторичной фольклоризации сюжета.

Л. И. Петрова (Санкт-Петербург) сделала доклад «Сюжет о Чурилье-игуменье в эпической традиции Русского Севера». Вошедший в Сборник Кириши Данилова текст «Чурилья-игуменья» был анонсирован Б. Н. Путиловым как уникальная песня саркастического характера. На Русском Севере этот редкий сюжет обретает драматические черты, сближаясь с широко распространенной балладой «Василий и Софья».

А. В. Никитина (Санкт-Петербург) в сообщении «Яга-воительница: от богатырки до змеообразного чудища» рассматривает определенный тип персонажа в разных сказочных сюжетах. Исследователь отметила градацию с варьированием образа от богатырки (с обилием былинных элементов и минимумом элементов, указывающих на сверхъестественную природу Яги) до сверхъестественного существа — Чудища, Змеи (Змеихи), чьи антропоморфные черты условны. При этом неизменными остаются половозрастная характеристика и, если указывается, семейно-родовой статус Яги.

В выступлении «Сюжет „Хитрость Дидоны“ (АТ 2000*2400) в сборниках башкирского фольклора» Т. И. Рожкова (Магнитогорск) пришла к заключению, что бытование данного сюжета в башкирском фольклоре относится к разряду утопических легенд.

В докладе Т. Г. Ивановой (Санкт-Петербург) «Василий Дмитриевич Поленов. Портре-

ты сказителей (к вопросу о создании базы данных на тему «фольклор / этнография в изобразительном искусстве»)» рассматривались портреты сказителей художника В. Д. Поленова, до сих пор не попадавшие в поле зрения фольклористов. Исследователь поставила задачу создания базы данных на тему «фольклор / этнография в изобразительном искусстве», обозначила те обязательные аспекты, которые должны быть в ней отражены: воспроизведение самого художественного произведения, художник, техника, место хранения, принадлежность к рубрике (былины, сказки, свадебный обряд, календарный обряд, народные музыканты, сказители и пр.), справочная литература.

Выступление М. В. Рейли (Санкт-Петербург) «Сказка о курочке Рябе глазами студентов Пекинского университета» было посвящено межкультурным взаимодействиям. В частности, проведен краткий анализ специфики восприятия и интерпретации образов-символов русской народной сказки разными этнокультурными группами (в данном случае предполагаемыми носителями русской традиционной культуры и китайскими студентами Пекинского университета).

В секции «Антропология и фольклор советской повседневности» были собраны доклады о «советском».

А. А. Чувьуров (Санкт-Петербург) в докладе «В Ливерпуле на площади, в длинных пиджаках...» рассказал о переделках популярных эстрадных песен. На рубеже 1960–1970-х годов появляются созданные поклонниками песенные переделки популярных западных поп- и рок-групп: («Can't Buy Me Love» группы «The Beatles» («В Ливерпуле на площади...»); «Venus» группы «Shocking Blue» («Хабарик, я нашел хабарик...»); пародийные куплеты на мотив музыки оперы «Jesus Christ Superstar» («Наш Ильич, наш дорогой Леонид Ильич...»). Названия групп, а также тех или иных песен обыгрывались в анекдотах или же в пародийных переименованиях («What can I do» группы «Smokie» — «водки найду»).

Источниками доклада Д. В. Валуева (Смоленск) «„По городу и уезду циркулируют провокационные слухи...“». Слухи как часть городской субкультуры Смоленской губернии в 1917–1922 гг.» являются дневники и переписка граждан, сообщения органов ВЧК и ОГПУ о настроениях населения городов Смоленской губернии, постановления власти о борьбе с распространением недостоверной информации, публикации в периодической печати. В экстремальных условиях жизни первых послереволюционных лет основными темами слухов были возможная оккупация губернии иностранными войсками, приход белой армии, новые насильственные действия власти (репрессии и реквизиции), недостаток продовольствия и угроза голода. Власть боролась со слухами, применяя наряду с разъяснениями и элементарным просвещением достаточно жесткие меры, вплоть до ареста и суда, но серьезных результатов это не имело.

А. С. Лызлова (Петрозаводск) прочла доклад «Городской фольклор в условиях Онежского завода г. Петрозаводска в 1930-е годы». В нем описываются итоги городской экспедиции на Онежский завод в конце 1930-х годов сотрудниками Карельского научно-исследовательского института культуры. В архивных коллекциях представлены различные фольклорные жанры (песни, причитания, частушки, поговорки и поговорки, предания, сказки, заговоры), а также сказки, записанные от бывшего работника Онежского завода Ф. П. Господарёва. Итогом деятельности по сбору фольклора предприятия стала подготовка двух изданий: сборника небольшого формата «Сказки и песни на Онежском заводе» (Петрозаводск, 1937) и сборника «Сказки Ф. П. Господарёва» (Петрозаводск, 1941).

В докладе А. Д. Соколовой (Москва) «Лесные поселки позднесоветской Карелии: правила выживания» была рассмотрена повседневность лесных поселков Карелии с точки зрения стратегий, которые выбирали жители поселка для адаптации на новом месте, роль советских институтов и природных ресурсов в жизни рабочих лесной промышленности и их семей.

В секции «Городские исследования в антропологии и фольклористике» прозвучали доклады М. И. Байдуж (Москва) «Конструирование городского пространства с точки зрения современных исследовательских оптик», к прикладной антропологии обратилась О. В. Воробьева (Санкт-Петербург) в докладе «Академический антрополог в прикладных городских исследованиях», а Н. В. Петров (Москва) рассказал о своем проекте «Историческая память городов: от столицы к регионам».

Секция «Проблемы современной этномusicологии и теории стиха» объединила в себе стиховедческие и musicоведческие доклады.

В докладе А. М. Петрова (Петрозаводск) «Между силлабикой и силлабо-тоникой: переходные формы в структуре фольклорного стиха и методы их анализа» рассмотрен процесс освоения фольклорной культурой силлабических стихотворений религиозной тематики. Особое внимание уделяется старообрядческим произведениям, бытовавшим как в письменной, так и в устной форме. Образовывались переходные формы стиха — нечто среднее между силлабикой и силлабо-тоникой; при помощи силлабо-тонической системы стихосложения передавался строй системы силлабической. Материалом для выборки послужили аудиозаписи из коллекции Фонограммархива ИЯЛИ КарНЦ РАН. Был описан проведенный эксперимент; продемонстрированы его возможности и ограничения.

Е. А. Дорохова (Москва–Санкт-Петербург) в докладе «Свадебный ритуал в славянских селах Крыма (к проблеме этнокультурного полилингвизма)» проанализировала процесс формирования свадебного обряда, бытовавшего вплоть до последних десятилетий в славянских селах Республики Крым. Материалом послужили

эксспедиционные звукозаписи, сделанные в 2017–2018 годах в русских, украинских и белорусских селах региона. Они позволяют поэтапно проследить те изменения, которые происходят в традиции по мере адаптации ее к внешним условиям, связанным с государственной национальной политикой, осуществлявшейся в течение XX — первых десятилетий XXI столетия. Волны переселенцев из различных регионов России, Украины и Белоруссии приносили в Крым свои локальные версии ритуалов жизненного цикла. При их совмещении актуальными оказывались общие компоненты, наличие которых обеспечивается типологической общностью источников.

Е. В. Робустова (Москва) в сообщении «Бесермянский крезь: история и перспективы этномusicоведческого изучения» рассматривает историю изучения и собирания крезей в советском этномusicоведении, а современное бытование крезя отмечает на территории северных и северо-западных районов Удмуртии, прилегающих к городу Глазов.

Е. И. Якубовская (Санкт-Петербург) в докладе «Архивные звукозаписи — документ традиции ушедшей, но живой (мужская певческая традиция Пинеги в записях от И. А. Ломтева 1876 г. р. из с. Карпогоры)» обращается к репертуару потомственного сказителя. И. А. Ломтев был одаренным певцом с весьма разнообразным репертуаром, характерным для мужской традиции: песни с историческими и балладными сюжетами, солдатские строевые и лирические. В 1927 году Е. В. Гиппиус и З. В. Эвальд сделали несколько записей его пения на фонограф, которые и были продемонстрированы слушателям. Все три сохранившихся песни имеют разный, контрастный характер напева, что было блестяще подчеркнуто Ломтевым.

По мнению Б. Кроземе-Мосгорда (Латвия), чье выступление было озаглавлено «Советская и постсоветская история самого большого издания латвийских народных песен», советские издания латвийского фольклора — компромисс между национальными традициями исследования народной песни и требованиями советского академического дискурса.

Е. В. Миненок (Москва) прочитала доклад «Ельнинская песенная традиция на протяжении пятидесяти лет». Обобщающий анализ одновременных записей, часто сделанных от одних и тех же исполнителей разными собирателями, дает представление о динамике бытования песенной традиции. Расшифровки наглядно показывают, какие трансформации происходили с песенными текстами на уровне лексического воплощения, фонетического оформления песенной речи, а также свидетельствуют о существенных изменениях «востребованности» местного репертуара: мы видим наглядно, какие произведения постепенно «стирлись» в памяти исполнителей.

Ю. И. Марченко (Санкт-Петербург) представил доклад «Звукозаписи А. В. Маркова в Фонограммархиве Пушкинского Дома». В ис-

торических коллекциях Фонограммархива Пушкинского Дома содержится несколько фонографических цилиндров, записанных А. В. Марковым с 1903 по 1909 год. На некоторых цилиндрах зафиксированы напевы баллад Западного Поморья. Материалы представляют севернорусскую музыкально-эпическую традицию в ранних звукозаписях, имеют принципиальное значение для истории ее изучения.

В секции «Антропология памяти» прозвучали следующие доклады: Н. В. Дранниковой (Архангельск) — об исследовании дискурса потомков спецпереселенцев; Н. Б. Грамматчиковой (Екатеринбург) — о диалоге это-источников и художественных текстов, описывающих события на озере Нумто; П. С. Куприянова (Москва) — о подходах к анализу устных воспоминаний горожан в краеведении, антропологии и фольклористике; Н. Н. Рычковой (Москва) — о конструировании истории сакральных мест; Е. В. Аброськиной (Санкт-Петербург) — о сфэсери Туниса как средстве актуализации памяти.

В докладе Н. С. Петровой (Москва) «Колхозы в ожиданиях и воспоминаниях русской деревни: от эсхатологии к „золотому веку“» на материале письменных источников конца 1920-х — 1930-х годов (информационные сводки, «письма во власть», мемуары) и современных экспедиционных записей (1990–2000-х годов) из архива Лаборатории фольклористики РГГУ была рассмотрена смена нарративных моделей в рассказах о колхозах. Если начальные процессы коллективизации, связанные с масштабными изменениями в социально-экономической жизни страны и сломом «старого порядка», в неподцензурном советском фольклоре вызвали всплеск эсхатологических предсказаний, то фиксируемые в постсоветское время воспоминания о прежней колхозной жизни часто содержат мотивы социально-утопиче-

ских легенд, локализирующих в прошлом период социально-экономического благоденствия.

В секции «Фольклор и литература: проблемы взаимодействия» прозвучало несколько докладов. С. А. Жадовская (Санкт-Петербург) обратилась к теме «От народной песни „на местном материале“ к песням и стихам о родном крае: эволюция и трансформация жанра „песни о городе“ в севернорусской традиции» и рассмотрела несколько песен, записанных в Кадниковском уезде Вологодской губернии в середине — второй половине XIX века (по материалам архива РГО). Они являются связующим звеном между жанрами «оды городу» (известен в севернорусской традиции с конца XVIII века) и «песни о городе». Последний стал чрезвычайно популярен в культурном пространстве малого севернорусского города преимущественно во второй половине XX — XXI веке.

Доклад А. В. Коровашко (Нижний Новгород) «Варвара Малахьева-Мирович как поэтист-символист, потомственная „знающая“ и практикующий слагатель заговоров и заклинаний» посвящен феномену индивидуального «заговоротворчества», связанному с личностью Варвары Григорьевны Малахьевой-Мирович (1869–1954) — поэта, прозаика, критика, переводчика и мемуариста Серебряного века. Создававшиеся ею стихотворные заговоры представляли собой не стилизации, не парафразы уже известных текстов, а вполне реальные инструменты манипулирования действительностью, использовавшиеся автором в собственной целительской практике.

В рамках заключительной дискуссии выступили ведущие секций и подвели итоги конференции.

© Н. Г. Комелина

DOI: 10.31860/0131-6095-2021-2-265-268

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «СТАРОСТЬ КАК СЮЖЕТ»

9–10 апреля 2020 года состоялась Девятая международная научная конференция научного проекта «Время как сюжет» (начато в 2012 году): «Старость как сюжет». Ранее в проекте рассматривались категории «прошлое», «настоящее», «будущее», «вечность», «мгновение», «безвременье», «юность», «зрелость». Организаторами выступили кафедра истории и теории литературы Тверского государственного университета и Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН.

Участники научного форума занимались исследованием сюжетного потенциала индиви-

дуального времени. На предшествующих конференциях анализировались «вторичные проявления» (фиксации представлений об истории), формы «спасения достоверности», модели конструирования будущего и сегментации времени. Проблема репрезентации времени и сюжетного потенциала временных категорий остается наиболее важной для организаторов проекта.

Категория «старость» связана и с представлениями о «мгновении» и «вечности», «прошлом» и «будущем», и с представлениями о «юности» и «зрелости». Выход за пределы